

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

- Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
    Я – его алиби
    Девушка с секретом
    Блудница поневоле
    Неплохо для покойника
    Стервами не рождаются!
    Дожить до утра
    Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
    Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денег
    Мужей много не бывает
    Ты у него одна
Любитель сладких девочек
    Игры в личную жизнь
    Черт из тихого омута
    Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
    Миллионерша поневоле
    Внимание: неверный муж!
    В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
    Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
    Любвеобильный джек-пот
    Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой блондинки
    Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
    Окно в Париж для двоих
    Лицензия на happy end
    Черная корона
    Рыцарь чужой мечты
    Демон искушения
Грешница в шампанском
    Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
    Жизнь нежна
    Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью и смертью
    Любовь окрыляет
    Единственная моя
    С первого взгляда
    Второй подарок судьбы
    Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
    Цвет мести – алый
- Не доставайся никому!
Чужая жена — потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины
Лучший день в году
Нирвана для чудовища
Незнакомка с тысячью лиц
Последнее прибежище негодяя
Счастье с третьей попытки
Подвенечный саван
Заклятие счастья
Торговка счастьем
Амур с оптической винтовкой
Мсть Спящей красавицы
Демон ревности
Преступно счастливая
Изменица поневоле
Закон сильной женщины
Без вины преступница
Пленная птица счастья
Ничего личного, кроме боли
Заговор обреченных
Узнай меня
Заповедник потерянных душ
Ангел мщения
Первый шаг к пропасти
Вкус запретного плода
Исповедь обманутой жены
Свидетельница зла
Королева отшельников
Игры небожителей
Грех с ароматом полыни
Кукла-любовь
Позови ее по имени
К северу от любви
Пепел прошлого
Без крестной феи
Псевдоним украденной жизни
Цена откровения
Конец игры с продолжением
Шоу семейных секретов
В интересах личного дела
Правда персонального формата
Простить нельзя помиловать

ШАБА 1

Рябая от дождя стеклянная стена аэропорта не позволяла рассмотреть, что происходит на улице. Он щурился, часто моргал, но так и не мог рассмотреть и сосчитать, сколько самолетов готовят сейчас к посадке. Ничего, кроме размытых силуэтов стальных птиц и проблесковых огней, ломаными линиями тянущихся за спецтехникой.

Может, это не дождь виноват, а алкоголь? Он пьет уже второй час, не вставая с места, и ему все это время кажется, что алкоголь на него не действует. Не подавляет гнев, не возбуждает желание встать, поднять с пола ручную кладь и пойти уже, да — пойти к выходу с двузначным номером, где очередь становилась все жиже.

Он скосил взгляд на кожаную сумку, брошенную им у ножек соседнего стула. Дорогая, с ремнями, множеством кармашков на молниях и заклепках. Он сам сделал однажды подарок, путешествуя по Испании. Просто решил себя побаловать, раз больше некому. Выбрал, купил и сразу сложил в нее все свои вещи, а их в путешествиях было всегда мало. Прямо как сейчас. Смена белья, шорты, фут-

болка, резиновые тапки. Сумочка с бритвенными принадлежностями, зубная щетка, паста, мыло, дезодорант и туалетная вода. Все это легко помещалось в его сумке. И даже оставалось еще свободное место, чтобы положить туда виски в бутылке из-под кока-колы.

Он не был алкоголиком, нет. Просто очень боялся летать на трезвую голову. Предпочитал тревожное забытие нервному созерцанию плотной облачности через иллюминатор. И немного даже завидовал тем, кто в полете не отрывал восторженного взгляда от красоты небес. И вообще всегда старался найти альтернативный путь передвижения.

Всегда, но не сегодня. Сегодня к вечеру он должен оказаться в городе, в котором вот-вот родится его ребенок. Он обещал, что прилетит. Он обещал ей. И самому себе. Ребенок был ни при чем. Он не отвечал за их глупости.

Да, ребенок не нес ответственности за их скоропалительный курортный роман. За слезное расставание и кучу обещаний. За трезвые мысли, набросившиеся на мозг голодными псами по возвращении. За каторжную работу, не оставлявшую времени на долгие ночные разговоры о будущем. Он входил в квартиру, не всегда успевая разуться, падал на диван и засыпал мгновенно, как умирал. Уже утром принимал душ, чистил зубы, готовил себе завтрак. И уже утром сожалел, что ночью так и не смог поговорить с ней долго и проникновенно.

Самое скверное заключалось в том, что в этих разговорах не было ничего такого. Она не давила, не требовала, ничего не хотела от него. Просто слушала его голос и просила рассказать еще что-нибудь

• *Конец игры с продолжением* •

интересное. Доходило даже до стихов, которые он вспоминал с большим трудом. И странно: когда он видел, что она звонит, то раздражался. А поговорив с ней, ловил себя на мысли, что испытывает ощущение легкости и удивительного спокойствия. Словно ледяной воды напился в жаркий полдень.

Так продолжалось до недавнего времени. Точнее, до того момента, как она призналась, что примерно через три недели у нее родится ребенок. Его ребенок! И он должен, непременно должен прилететь, чтобы поддержать ее, чтобы быть рядом.

В первую минуту он опешил так, что буквально потерял способность говорить. Потом перепугался. А следом разозлился с такой силой, что принялся ее допрашивать.

— Почему ты говоришь мне об этом именно теперь?

— Так получилось... — не ответила, а шепнула она.

— Так получилось? Как — так получилось? Ты только сейчас узнала, что я отец твоего ребенка?

— Нет.

— Что — нет?!

У него темнело в глазах от праведного гнева и первобытного страха перед неизбежным. Он не готов! Он не хочет! Он не просил, черт побери!

— Я всегда знала, что ты его отец, — кажется, она всхлипнула. — Без вариантов.

— Почему молчала?

— Обстоятельства...

— Какие обстоятельства могли заставить тебя молчать, Ирина?! — взревел он на беременную женщину, готовую вот-вот родить.

Идиот! Конечно, это было неправильно — так
орать.

— Обстоятельства заставили меня заговорить,
Егор.

— В смысле?

Он как раз стоял со стаканом в руке перед
раковиной в кухне. Хотел воды попить. Он мог
позволить себе пить воду из-под крана: фильтр
установил высшей категории еще в прошлом году.
Как раз перед отпуском, перед знакомством с ней.

— В каком смысле — обстоятельства заставили
тебя заговорить? — Он вдруг понял, что наливает
воду из горячего крана, взбесился и швырнул ста-
кан в раковину. — Объяснись, Ирина!

— Я тебе все расскажу, когда прилетишь, Егор.
По телефону не могу...

«Это одна из форм манипуляций, — объяснил
ему психолог в отделе. — Держать тебя в состо-
янии ожидания, неизвестности. Она просто мани-
пулирует тобой, не более...»

Он решил не поддаваться ни на какие уговоры
и на очередной ее звонок не ответил. Потом все
же не выдержал и перезвонил сам. Трубку взял
кто-то посторонний.

— Добрый день. Мне нужна Ирина.

Он закатил глаза, представив агрессивно на-
строенную мамашу. Дочь отошла куда-то, и та,
пользуясь моментом...

— Ирина на процедурах, — ответила незнако-
мая женщина.

— На каких процедурах?

В памяти всплыл рекламный ролик для буду-
щих родителей, в котором они делали совместные

• *Конец игры с продолжением* •

гимнастические упражнения для постановки дыхания и чего-то там еще.

Ключевое слово — совместные. Ирина там была одна. Или нет? Все же нашелся еще один отец, который поближе и поговорчивее?

— Ей ставят уколы, — прервала молчание женщина.

— Уколы? Какие уколы? — встряхнулся он.

— Те, что прописал ее лечащий врач.

— Ирина больна?

— Ирина три последних месяца лежит на сохранении, молодой человек. И сейчас находится здесь же, в больнице. Ждет дня родов, чтобы чего-нибудь не произошло. — Кажется, женщина начала терять терпение, объясняясь с ним по чужому телефону.

— А вы ей кто? — задал он резонный вопрос.

— А я ей соседка по палате, уже две недели. И вы Егор, правильно?

— Так точно.

— Так вот, Егор, она сама никогда вам не скажет. А я скажу...

Тут послышались какие-то посторонние голоса. Видимо, в палату кто-то вошел и принялся говорить ей что-то строго и властно. Врач, понял Егор. После того как хлопнула дверь, стало тихо.

— Вы еще здесь? — окликнула его женщина.

— Да.

— Так вот, Егор, на самом деле с Ириной не все хорошо. Ей запретили рожать категорически. А она... — Последовала пауза, в течение которой женщина трижды охнула и один раз протяжно застонала. — Простите, но, кажется, у меня начинается... Я буду вызывать персонал. А вы... будьте

к Ирине внимательнее. У нее никого, кроме вас, нет. Поддержите ее...

Связь оборвалась, а он глубоко задумался. И думал достаточно долго. Почти две недели. Потом все же позвонил, извинился и спросил, что стало с ее матерью, которая — он точно знал — у нее была.

— Она умерла. Недавно. Сердце, — ответила женщина, которую он не очень уж всерьез воспринял на отдыхе и которая вот-вот должна была подарить ему наследника. Или наследницу. Он так и не уточнил.

— Что с тобой? Как твоё здоровье? Твоя соседка по палате тут наговорила мне всего.

— Я знаю. Она призналась мне.

— Что за проблемы? Почему ты вынуждена лежать в больнице три месяца? И почему тебе не разрешали рожать?

Черт, эти вещи он должен был о ней знать! Они же так подолгу говорили. Он даже стихи ей читал.

— У меня тоже больное сердце, как и у мамы. Это наследственное. И я... Я могу умереть прямо во время родов, Егор. — Она легонько всхлипнула. — И тогда наш ребенок, наша девочка, останется совсем одна. Ее отдадут в дом малютки. Я не могу даже думать об этом без слез. Ты приедешь?

— Да, — ответил он твердо.

— Я сообщу тебе. Они будут делать операцию, чтобы не подвергать нас обеих опасности. Я сообщу тебе, когда это будет...

Он посмотрел на зареванную стену аэропорта. Сумасшедший дождь залил всю взлетную полосу, и пару рейсов уже отменили. А ему надо вылетать уже очень скоро. В очереди на посадку осталось

• *Конец игры с продолжением* •

всего три человека. Нельзя, чтобы и его рейс отменили. Сегодня вечером он станет отцом маленькой девочки. И он должен быть там.

Слегка качнувшись, он поднялся. Взял кожаную сумку и пошагал к нужному выходу. До него оставалось метра три, может, меньше, когда телефон зазвонил. Ирина! Это была она!

— Да. Я уже у трапа самолета. Вылетаю, — скороговоркой, не вполне внятной, произнес Егор, делая знак сотруднице аэропорта подождать.

— Это очень хорошо, что вы вылетаете, — проговорил незнакомый мужчина. — Вам нужно быть здесь в течение пяти дней, чтобы определиться с судьбой вашего ребенка.

— Это мы будем решать с ее матерью, не с вами, — неожиданно протрезвел он от неожиданного заявления.

Внутри все сжалось, подкатила тошнота. Не от выпитого — нет. От противных слов противного незнакомца.

— Сожалею, но Ирина Владимировна уже не сможет больше ничего решить. Она умерла два часа назад на операционном столе. А девочка родилась, и она здорова. К счастью, она унаследовала ваше здоровье, а не матери. Сожалею... — Мужчина из Иринино телефона помолчал и спросил: — Так вы прилетите? Вас ждать?

— Да. Прилечу.

Он оглянулся на столик, который занимал только что. На нем еще стоял бокал с виски. Недопитый им бокал. И его никто не спешил убрать.

— Я прилечу. — Он повернул обратно, добавив: — Но не сегодня...

ЧАВА 2

— Вы должны меня понять! — с обидой и слезами воскликнул мужчина, сидевший перед капитаном Артамошиным.

— Я вас понимаю, — сдержанно ответил тот и даже кивнул для пущей убедительности. — И еще как!

— У вас тоже погибла семья в авиакатастрофе?! — Мужчина вытаращил на него выцветшие от слез глаза. — Простите, не знал.

— Простите, но вы меня неправильно поняли. — Артамошин потер ладонями лицо, чтобы раздраженный взгляд не просочился, не оскорбил убитого горем человека. — На самом деле у меня нет семьи. Я никогда не был женат. Просто я могу представить, каково вам. Вы испытали шок. И...

— Шок?! Вы это называете шоком?! — Мужчина посмотрел на него как на дефективного — с жалостью и скорбью. — Не дай вам бог испытать то, что испытал я! Что испытали все родственники пассажиров рейса, который...

Он громко всхлипнул, достал из затертого кармана льняных штанов большой носовой платок, закрыл им лицо и заплакал.

Артамошин терпеливо ждал. Он вынужден был терпеть, потому что глубоко сочувствовал им всем. Он не имел права вести себя как-то иначе из чисто человеческих соображений. И еще у него был приказ — проявлять лояльность. Ему даже для этих целей выделили отдельный кабинет, и уже почти год он общался с родственниками.

• *Конец игры с продолжением* •

С каждым днем желающих найти виновных становилось все меньше. Они переставали приходить. Отчаялись. Смирились. Согласились с заключением экспертной комиссии: крушение лайнера произошло из-за технических неполадок.

— Взрыва на борту не было, Иван Семенович, — проговорил Артамошин, когда огромный платок был скомкан и убран в карман мужчины. — Никакого вмешательства извне! Сбой в работе системы. Несчастный случай. Никакого злого умысла.

— Да, да, да... Мне уже говорили. Да, да, да... — Он часто закивал. — Но за это тоже кто-то должен понести наказание!

— Абсолютно с вами согласен. Комиссия специалистов разбирается в причинах неполадок, приведших к катастрофе. Как только ими будет сделано окончательное заключение, дело передадут в соответствующие инстанции. Состоится следствие. Виновные будут наказаны.

— Да, да, да...

Пробормотав это, он замолчал. Посидел минуту, не двигаясь, потом вздрогнул и глянул на Артамошина так, будто только что прозрел.

— Я понял! Я понял, к чему вы ведете! — Он замотал указательным пальцем у себя перед носом. — Вы сейчас пытаетесь оградить своего коллегу от подозрений, усыпить мою бдительность, свалить все на безмолвное железо. А он... Он останется незапятнанным. Понятно: честь мундира. Вы с ним на одном поле и все такое... Но я докажу, что это он! Докажу! Чего бы мне это ни стоило. Ему не удастся уйти от правосудия. Я достану его. Я всю свою жизнь положу на то, чтобы достать его. Знаете почему?

Артамошин послушно спросил:

— Почему?

— Потому что жизни у меня больше нет...

Он ушел, осторожно закрыв за собой дверь. В первые дни он громко ею хлопал и открывал пинком. Ему это прощалось.

Минут пять Артамошин сидел, прикрыв глаза ладонью. Потом он потянулся к внутреннему телефону и позвонил.

— Это последний на сегодня. Заходи, — произнес он в трубку.

Егор вошел через три минуты, сел на тот же самый стул, на котором только что ежился от внутренней боли Иван Семенович Шныров, и посмотрел на Артамошина.

— По-прежнему считает меня виновным?

— Да. Думает, это ты что-то такое сотворил, подбросил в багаж и не полетел.

— У меня не было багажа.

— Знаю. Я-то знаю! — воскликнул капитан, роняя руки на стол. — Докажи ему попробуй! Где-то высмотрел аналогичные случаи. И теперь выносит мне мозг, выедаёт душу. Он болен, понимаешь! По-настоящему болен.

— Понимаю. Как не понять! — Егор вытянул ноги, скрестил на животе пальцы, качнул головой. — Лучше бы я улетел тогда, а не остался в кафе надираться.

— Идиот, — ворчливо отозвался Артамошин. — А о Машке ты подумал, делая такие вот заявления? Что бы с ней стало теперь? Дом малютки, потом детский дом. Сиротство, и никаких надежд на

• *Конец игры с продолжением* •

то, что найдутся какие-то родственники. У Ирины никого не было. У тебя никого нет.

— У Ирины осталась троюродная сестра.

— И что? Она не готова была ее удочерять. Сама тебе призналась.

— Призналась. Но помогает же мне! Не знаю, что бы делал без нее. Все на ней.

— Да, да, она помогает, но за деньги, Егор! Ты нанял ее, как квалифицированную няньку. Платишь хорошо. Вот она и помогает. А за просто так вряд ли бы она стала взваливать на себя такую ответственность. Так что Машка твоя все же счастливая. В один день потерять и мать, и отца — это было бы слишком.

— Расскажи Ивану Семеновичу Шнырову. А также Ольге Витальевне Авдеевой и старикам Власовым. Сколько их еще осталось — непримиримых, уверенных в моей виновности?

— Пожалуй, и все, — почесал в макушке капитан. — Всех остальных мне удалось убедить, ознакомив с предварительным заключением комиссии. А эти стоят намертво: ты террорист.

— Твою мать, а! — печально фыркнул Егор. — Я мать своего ребенка в тот день потерял. Это как? Как ими воспринимается?

— Им уже известно, Егор, что ты не жил с ней.

— Да ладно! — Он резко сел ровно и недоуменно заморгал. — Что значит — известно?

— И не только это. Они много чего о тебе накопили. И об Ирине тоже. Чую, досье на тебя собрано приличное.

— Вот как? — Егор поднялся и заходил по кабинету, специально выделенному Артамошину для общения с пострадавшими. — И что конкретно ты чувствуешь?

Он встал лицом к окну, уставился на клумбу, заливаемую дождем, и с грустью подумал, что Машка снова сегодня пропустит прогулку. И надо было, все же надо было соглашаться на аренду загородного дачного дома! Вика настаивала. Утверждала, что им с девочкой там будет лучше. Всегда на свежем воздухе, даже в дождь, поскольку дом был с большой верандой. Соседи держали живность, и еда была бы экологически чистой, а ребенка, и так искусственно выкормленному, это как раз кстати.

Он обещал подумать и все оттягивал решение. Риелтор звонил Вике уже несколько раз, просил ускориться с решением. Она умоляла пока не сдавать дом другим желающим.

Может, и стоило арендовать его? И не так далеко от города. Он мог бы каждый вечер ездить к ним ночевать. Да, на дорогу уйдет времени в разы больше. Но Машке загородная жизнь только на пользу.

— Я чувю, эта оппозиция отыскала информацию о том давнем деле с погибшим подростком.

— И что? — Егор почувствовал, как кровь отхлынула от лица, — это воспоминание всегда было болезненным. — Было долгое разбирательство, суд, в конце концов. Меня признали невиновным, восстановили в должности. Что с того, если они это подняли?

— А то, что она теперь не одна. У нее будет целая толпа единомышленников.

• *Конец игры с продолжением* •

— Соучастников, сказал бы я, — жестко перебил его Егор. — Она очень долго вела на меня охоту. Забыл? Я мог бы засадить ее за целый ряд покушений на меня.

— Ты ее простили, — напомнил Артамошин.

— Пять раз! — фыркнул Егор. — Я простили ей пять эпизодов. А мог бы...

— Но не стал же. — Артамошин пожал плечами. — Ты ее простили. А она тебя — нет. Возможно... И теперь они ее найдут. И она — сто процентов — будет с ними в сговоре. Теперь ей станет проще тебе отомстить. Пусть даже их руками. Она ведь знает о тебе все-все-все! Все твои привычки и маршруты. Они ведь не поменялись за пять лет, нет?

Егор промолчал. Как он мог поменять маршрут, если он всегда был одним: дом, работа, дом, работа. Ну, еще по пути в ближайший супермаркет за продуктами. Теперь вот еще аптека прибавилась, потому что появилась Машка. Где он должен был тогда петлять? Ездить в окружную, простаивая в многокилометровых пробках? В угоду непримиримой мстительнице, свихнувшейся после смерти брата?

— Я не был виноват в том, что она плохо приглядывала за мальчишкой. В том, что он отстреливался из автомата по полицейским.

— Ты же знаешь, что он не стрелял, — укорил его Артамошин.

— Автомат был в его руках, — возразил Егор. — И все, кто был рядом со мной, это видели.

— Но он не стрелял. У него даже не было патронов. За него стрелял кто-то еще. Тот, кому удалось скрыться с места преступления. Ты действовал по инструкции, да. И я бы поступил так же. Но...

Лилина РОМАНОВА

— Что «но»? — Он повернулся к Артамошину.

— Ей было плевать тогда на все наши уставы и правила. Она потеряла единственного родного человека. И не простила. Теперь у меня болит душа за тебя, дружнице! Их стало слишком много. Слишком. — Артамошин мрачно глянул. — Тех, кто жаждет твоей крови.

ШАБА 3

Прыжок, мах ногой, два последовательных удара руками: левой-правой. Уклон влево-вправо, прыжок. Присед, руки в упор в пол, ноги выбросом назад. Резкий подъем, прыжок, мах ногой...

Сердце колотилось в горле, пот заливал глаза, виски давило, но она продолжала тренировку.

— Александра! — громко окликнули ее от входа в зал. — К тебе пришли.

Она не ответила, зная, кто это. Больше никому. Это сто процентов группа несогласных с заключением экспертов по авиакатастрофе, случившейся год назад.

Ей было жаль этих несчастных, но она ничем не могла им помочь. Возвращением с того света она не занималась. Чем угодно, но только не этим! Иначе Ванька был бы с ней здесь, рядом. Занимался бы спортом, общественно-полезным трудом, рос нормальным, крепким, без асоциальных привычек, приведших к трагедии.

Так сказал ей психолог, которого она посещала почти принудительно. Чтобы не попасть в тюрьму за свои выходки, подстегнутые мезтью.